

Вырезка из газеты

№ 5 ЯНВ 1975

ИЗВЕСТИЯ

от 3 декабря

1974 г.

г. Москва

В МИРЕ ИСКУССТВ

ТАНЕЦ-СПЕКТАКЛЬ

Г ОВОРИТЬ о народном артисте СССР Махмуде Эсамбаеве очень трудно — о нем написаны книги, множество статей, ему посвящены кинофильмы. Но как бы ни был популярен и известен этот своеобразнейший танцовщик, каждое его выступление снова и снова приносит людям радость, открывает нечто новое и неожиданное. Наверное, каждый человек, каждый зритель воспринимает яркий и емкий танец М. Эсамбаева в чем-то по-своему. Для меня его танец — это прежде всего танец-театр, каждая его пляска — целый спектакль.

Яркая, порой даже пышная «зрелищность», эмоциональность, действенная динамика остро «театрализуют» номера Эсамбаева. Недаром перед старинным «горским танцем» ведущая читает нечто вроде небольшой новеллы или романтической баллады, из которой явствует, что гордый, пылкий горец может увидеть родину, прийти в родной аул только тайком, крадучись, ночью — ему грозит мечь, смерть. И Эсамбаев не просто демонстрирует движения народного горского танца, а танцует трагедию тайного свидания с родиной, драму изгнания, отверженности. Он жадно вдыхает воздух родного аула, словно хочет вобрать в себя все эти запахи, дым и тепло домашнего очага, наглядеться на эти звезды и небо. Эсамбаев танцует, прикрыв лицо черной буркой, а потом забывает об осторожности, так неистово топчет землю, словно иступленно молит ее принять его в свое лоно, расступить, раскрыться перед ним могилей — лучше лечь в нее, чем одиноко скитаться вдали от родины.

А рядом с этим трагически порывистым танцем ритуально бесстрастная, таинственная непроницаемость индийского божества. Весь в золоте, бог движется неспешно, торжественно ударяя о землю босой ногой, плетет сложный, многозначительный узор гибких, словно бескостных рук, кистей, пальцев, весь в отблесках, в мелодичном звоне украшений, в тайне каких-то неведомых, непонятных молитв, заклятий.

Если непроницаемость в «Индийском танце» полна величавости и покоя, то непроницаемость в «Человеке-автомате» скрывает трагическое смятение и опустошенность души. Одиночество, страх, боязнь потерять кусок хлеба превращают человека в танцующего робота — это виртуозный, бесконечно динамичный по ритму, труднейший по темпам танец без радости, без жизни, без улыбки, без живой страсти. Танцует живой механизм искусно, но бездуховно, стремительно, но мертво. Это трагическое «перпетуум мобиле»

выражает крайнюю усталость и отчаяние: чем быстрее мелькают движения, тем становится более жутко. В элегантном пляшущем манекене угадываешь душу глубоко несчастного человека, невольно в памяти возникает название когда-то виденного фильма — «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»

Эсамбаев умеет в танце рассказать многое: глядя на его служителя отеля в танце «Гарсон», вы понимаете, что этот человек обязан быть не только быстрым, услужливым, ловким, точным, но еще и должен всегда казаться веселым, довольным, вот почему эта ослепительно беспечная улыбка, кажется, так и «приклеилась» к его лицу...

Артист скупыми танцевальными штрихами передает темперамент, душу того или иного национального характера. В его испанском танце ясно «читаешь» сдержанную страстность и горделивое достоинство. В цыганском ощущаешь тоску и страсть свободной души, сладость упоения вольным взлетом чувств. В русском живет широкая удаль и мягкость, доброта, задор и певучесть. В костюме, в облике Эсамбаева есть какая-то прекрасная красота «пригожего» «красна-молодца», что-то от работ палехских мастеров, от живописи Мстеры, от Хохломы.

И, наконец, знаменитый танец-заклинание «Макумба». В фантастическом одеянии и уборе из перьев, в фантастическом гриме Эсамбаев с невероятной внутренней и пластической экспрессией творит танец-«заговор», колдовской, ужасный, угрожающий танец-самоистязание, танец-самосожжение, судорожный, почти конвульсивный и в то же время полный властной воли и силы. Танцовщик «изгоняет» «злого духа» из тела больного человека и, победив, одолев его, сам падает бездыханным от душевной и физического изнеможения. Эсамбаев танцует словно в пламени фанатической одержимости мучительного вдохновения. Танец-исцеление, танец-жертва, танец-чудо. Этой странной, ни с чем не сравнимой пляской Махмуд Эсамбаев почти всегда кончает свои вечера-спектакли.

Эсамбаев прекрасно владеет искусством артистического перевоплощения — здесь ему помогает опыт солиста балета, исполнявшего многие балетные партии. Кроме танцев, о которых сказано выше, в репертуаре Эсамбаева — чечено-ингушский танец «Чабан», таджикский «Воинственный», колумбийский «Бамбука» и многие другие.

Талантливый танцовщик утверждает в своих выступлениях своеобразный «хореографический театр одного актера».

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист РСФСР.

177